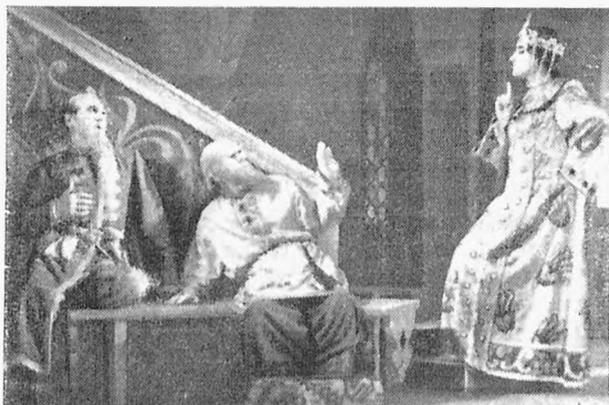

«...Я снова обращаю Ваше внимание, товарищи, на тот факт, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным, творчеством трудового народа. Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, далее—доктор Фауст, Василиса Премудрая, прощеский удачник Иван-дурак и наконец — Петрушка, побеждающий доктора, попа, полицейского, чорта и даже смерть, — все это образы, в создании которых гармонически сочетались рациона и интуитивная мысль и чувство. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии создателя в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни»¹.

Этими словами Горького было бы правильно всего определить ту основную особенность сказочных спектаклей Саратовского тюза, которая позволяет говорить, что этот театр понимает природу сказки, любит ее и умеет ее выразить.

Найти правильное соотношение между рационалистическим началом в сказке, ее моралью, правоучением и эмоциональной сферой ее образов — это, быть может, самое главное в режиссерской концепции спектакля-сказки. Как уныло и инквизиционно выглядит сказка, образы которой доведены до аллегорической точности и сухости. Но и сказка, в которой фантастика беспочвенна, не опирается на ясную мысль и существует лишь ради ложно понимаемой сказочности вообще, ничего кроме недоумения и неудовлетворенности не вызовет. Нахождение верного соотношения между идейным содержанием и фантастической фактурой сказочного спектакля должно быть предметом особой заботы режиссера, работающего над сценическим воплощением сказки.

В. Давыдов — постановщик всех трех спектаклей в Саратовском тюзе — показал, что он умеет раскрыть художественную природу сказки, не затемняя ее морали неверно расставленными акцентами или погоней за внешней занимательностью. Все

САРАТОВСКИЙ ТЮЗ ИМ. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

«Золотое сердце».

Лидька Елизар — арт. П. Сорокин,

Царь Досифей — арт. В. Начинкин.

Царица Хадазата — арт. Г. Хлебникова.

средства театральной выразительности, начиная с актерского исполнения, кончая сценической техникой и светом, мобилизованы и подчинены режиссерскому замыслу. Для достижения гармоничности и слаженности в таком сложном постановочном «хозяйстве», какое представляет собою театральная сказка, особенно важно взаимопонимание и, если можно так выразиться, — взаимодополнение между режиссером, художником и композитором. Сказке даже в ее чисто словесном выражении присуща ритмичность, внутренняя музыкальность и почти зримая живописность образов; тем более в сценическом воплощении эти свойства сказки должны найти свою плоть и кровь. В Саратовском тюзе это требование осуществлено в творческом содружестве режиссера В. Давыдова с художниками И. Архангельским, З. Бриллиным и с композитором театра Е. Каменоградским: всех их объединяет умение ценить в сказке не нагромождение фантастических чудес, а ее поэтичность, эмоциональность и олухотворенность.

Ни один литературный жанр, вероятно, не потерпит такого сочетания крайностей, как сказка. В смене грустного, веселого, таинственного, страшного, сменного, торжественного и т. п. и заключается та повышенная эмоциональность, которая составляет один из признаков сказки. Спектакли Саратовского тюза динамичны не только в силу интенсивного развития сюжета, но и благодаря продуманно-

¹ А. М. Горький в «О литературе», статьи и речи 1928—1936 гг., изд. 3-е дополн. М., 1937, стр. 450